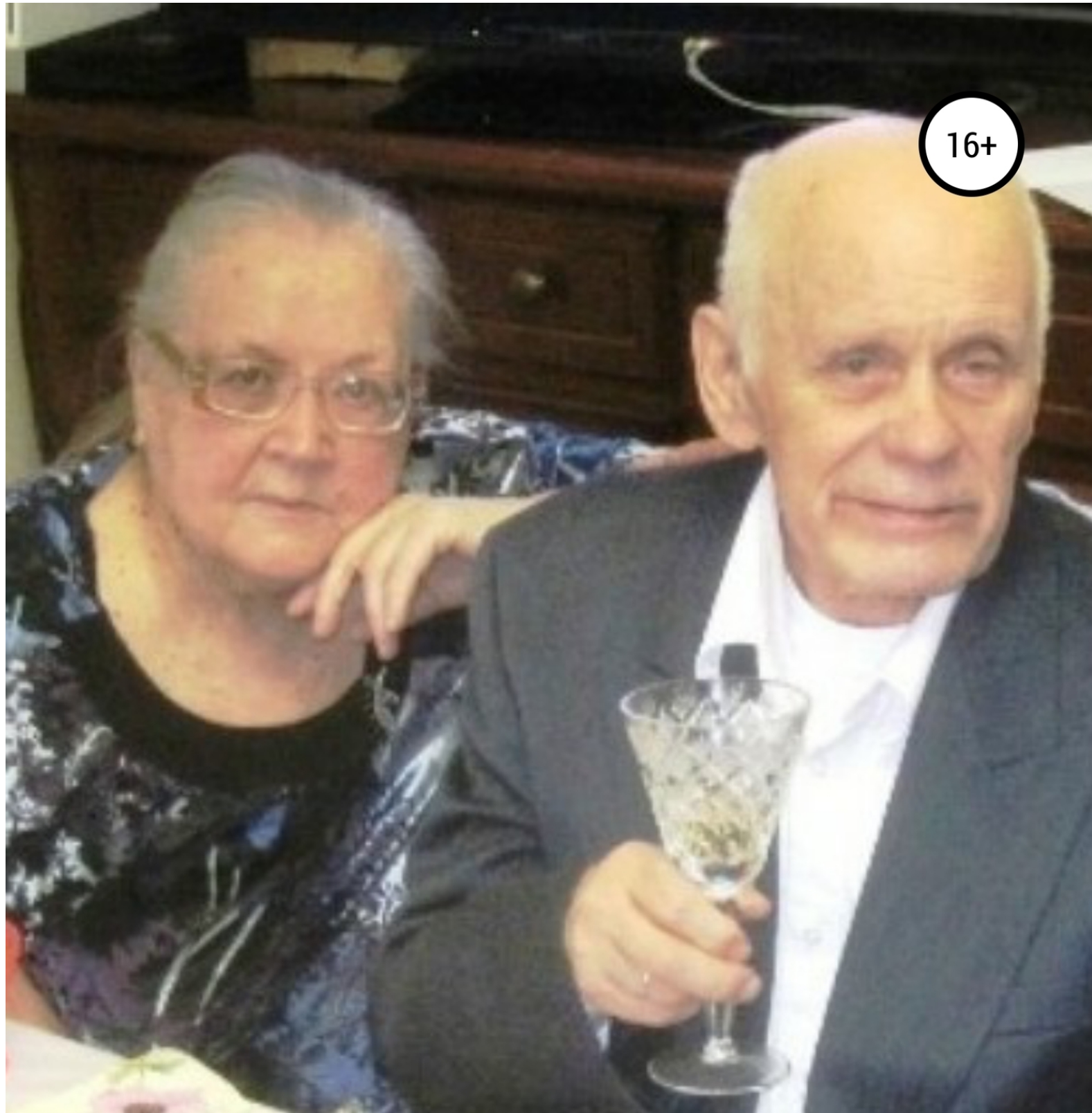

16+

И.В. Дудко и В.А. Дудко

Энциклопедия наших жизней
Семейная сага

Созидание 1967 год

Ираида Дудко

**Энциклопедия наших
жизней. Семейная сага.
Созидание. 1967 год**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Дудко И. В.

Энциклопедия наших жизней. Семейная сага. Созидание. 1967 год
/ И. В. Дудко — «ЛитРес: Самиздат», 2016

В этой книге: Гибель космонавта; Защита диплома; Работала на Люберецком заводе пластмасс; Купили Москвич 408, не имея денег; Наша шалунья пошла в первый класс; Старые открытки; Отпуск в Евпатории; Фото 100-летней давности; Работа Виктора: суета сует, рабочий дневник; Мистика: Бриллиантовая свадьба без жениха, который за два дня до этого пришел на свидание; Учёный - Рвачёв В. Л.; Макаровец прощается с Бийском; "Говорящие" винные этикетки; Немного об автопробеге - из Москвы в Бийск. И как всегда - пропущенное на "ЧЕРДАКЕ".

Содержание

Глава 1	5
Часть 1	5
Часть 2	32
Часть 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Глава 1

Наша семья

Часть 1

Аура 1967 года

1967 год. И опять – космос!

Ни о чём больше не поднимается рука писать... Погиб Комаров...

И уже не хочется, как раньше – начинать с биографии, и писать, как проходил полёт. Например, о том, что предыдущие три корабля «Союз» насчитывали перед их запуском пару сотен замечаний и недоработок. О том, что итог полёта был предрешен...

Я просматривала много материала по этой теме. В основном, они все повторяют одно и то же – сухие факты. А хотелось бы найти какое-то откровение, человеческие чувства, отражающие боль от этой потери.

Неожиданно, я натолкнулась на рассказ дочери Владимира Михайловича Комарова о тех трагических событиях. Я читала его, и плакала, как все мы, живые, в 1967 году оплакивали его гибель.

Сначала я решила ограничиться только статьёй спецкора «МК», которая встретилась с дочерью Владимира Михайловича Комарова, накануне дня космонавтики, 46 лет спустя после его гибели.

Привожу её здесь полностью.

Примечание...

Очень хотелось привести здесь побольше снимков, приближающих нас к тем трагическим событиям. Как всегда в поиске указала – «искать в бесплатных...». Их оказалось очень много. Практически – все. И это понятно – «смертью человека, который является достоянием страны – не торгуют», так что почти везде было указано – скачать и переслать... Иногда добавляли – «ссылка на сайт обязательна». А какую ссылку оставлять? Одни и те же фотографии повторялись на многих сайтах СМИ. Оставила те фотографии, которые рассказывали о реальных событиях...

УЛЕТАЯ В КОСМОС, СОВЕТСКИЕ КОСМОНАВТЫ ШЛИ НА СМЕРТЬ.

mk.ru

23 апреля 1967 года с космодрома стартовал новый трёхместный корабль «Союз-1». На борту был один единственный космонавт – Владимир Комаров. Неприятности начались сразу после выхода корабля на орбиту: не раскрылась одна из панелей солнечных батарей, из-за запотевания не работал солнечно-звёздный датчик, возникли сбои в работе новой ионной системы ориентации.

Когда поступила команда идти на посадку, автоматика «запретила» выдавать тормозной импульс...

Космонавт сумел произвести торможение над расчётной точкой, но отказала парашютная система. Владимир Комаров погиб ровно через 40 дней после своего 40-летия. У него осталось две могилы, родным выдали два свидетельства о смерти.

Новый космический корабль «Союз» начали создавать в пике лунной программе США. Правительство СССР вынесло секретное постановление, согласно которому советские космонавты должны были первыми в 1967 году облететь Луну, а через год высадиться на спутник. Для этого в спешке начали конструировать корабль "Союз".

– Состоялось три беспилотных запуска «Союзов», и все они были проблемными. Несмотря на это, 23 и 24 апреля в 1967 году решено было отправить на орбиту сразу два пилотируемых корабля?

– Первым должен был лететь на трёхместном «Союзе-1» мой папа, Владимир Комаров. На следующий день, на «Союзе-2» должны были выйти на орбиту Хрунов, Быковский и Елисеев. Потом планировалась стыковка: к «Союзу-1» должен был подойти второй корабль, Хрунов и Елисеев через открытый космос должны были перейти в корабль отца. После чего оба "Союза" должны были пойти на посадку.

В 1967 году готовились отметить 50-летие советской власти, нужны были свершения в космосе. Насколько я знаю, только генерал Мрыкин, начальник одного из проектных отделов Центрального конструкторского бюро экспериментального машиностроения Прудников и начальник 1-го управления полигона полковник Кириллов позволили себе сказать, что сотни замечаний, полученных во время испытаний, свидетельствуют о том, что корабли ещё сырые.

На что Мишин, заменивший покойного главного конструктора Королёва, вспылал и в резкой форме сказал тому же Кириллову, что научит его работать. Голоса «осторожных» не были приняты во внимание.

– Помните день перед стартом?

– Тогда в Звёздном городке не принято было провожать космонавтов к автобусу. Помню, мы с мамой стояли на пороге квартиры, отец вошел с чемоданчиком в лифт и долго-долго не решался закрыть внешнюю железную дверь. Прощался с нами.

– Владимир Комаров предчувствовал беду?

– Это было не предчувствие, а знание возможностей. Перед полётом отец зашел в больницу к знакомому лётчику-испытателю, у которого обнаружили рак. Его жена потом рассказывала маме о состоявшемся между ними разговоре. Отец признался в палате больному: "Процентом на 90 полёт будет неудачным".

Незадолго до старта отец, вдруг заставил маму учиться водить машину. Настоял, чтобы она сдала на права, потом ездил с ней в качестве пассажира, чтобы она уверенно чувствовала себя за рулём.

На 8 мая он принёс маме шикарный столовый сервиз, который едва умещался в багажнике «Волги», и сказал: "вот будешь потом принимать гостей". А перед стартом папа навёл у себя в столе идеальный порядок, ответил на все письма. Показал маме, где лежат документы на квартиру, где ключи от гаража.

Как вы поняли, что ситуация в полёте стала развиваться не штатно?

– У нас вдруг дома отключили телефон. Мама сразу поняла, что пошло что-то не так. Когда из Москвы приехала жена Феоктистова, её уже начало трясти.

Отец в это время проводил ориентацию «Союза-1» почти вслепую. После выхода на орбиту на корабле не раскрылась одна из двух панелей солнечной

батареи., потом не прошла команда на ориентацию корабля на Солнце. Когда поступила команда идти на посадку, автоматика «запретила» выдавать тормозной импульс. С папой на связи в это время находился Юрий Гагарин. Отцу предложили ручную ориентацию на светлой стороне... Сподвижник Королёва, конструктор Борис Черток, в своих воспоминаниях отмечал, что такой вариант посадки космонавты не репетировали. Папа выполнял то, чему космонавтов ещё никто и никогда не учил. Он сделал всё, чтобы вернуться.

– Средства ПВО обнаружили, что спускаемый аппарат идёт на посадку в 65 километров восточнее Орска...

– Казалось, что самое трудное позади, было объявлено даже расчётное время приземления. Все присутствовавшие в Центре управления полётами стали хлопать в ладоши, обсуждать, как будут встречать космонавта. И вдруг Юрия Гагарина срочно попросили к телефону. Стало известно, что приземление прошло ненормально. Позже пришло сообщение о гибели отца. На высоте 7 километров произошло скручивание строп парашюта. Старт второго «Союза» был отменён.

– Как Вы узнали о трагедии?

– Был пасмурный день, мама почему-то не пустила меня в школу. А потом в сильный дождь вдруг отправила гулять. Прячась под козырьком, я увидела, как к нашему подъезду подкатила чёрная «Волга». Из неё со свитой вышел генерал-полковник, я успела заметить три звезды на его погонах. Как потом рассказывала мама, она спросила у него только одно: "Вы уверены?" Он сказал: "Да, это абсолютно точно".

Потом дверь у нас не закрывалась. Шли космонавты, инженеры, техники, их жены. Мама обняла меня и сказала: "Ирочка, теперь мы будем жить втроем". Я почему-то была уверена, что трагедия случилась с братом Женей. О том, что папа погиб, мне сказала Валентина Владимировна Терешкова, которая жила в нашем подъезде. У мамы случилось кровоизлияние в левый глаз, на следующее утро у неё появилась прядь седых волос.

– Говорят, что вашу маму, Валентину, уговаривали не ездить встречать гроб с телом отца?

– Высокие чины, вероятно, опасались её слёз и истерик, что она будет кого-то обвинять и проклинать. Но мама настояла. Никто, естественно, гроб не открывал. Отца, ведь нашли достаточно быстро. Удар о землю был таким сильным, что образовалось углубление более полуметра. Произошел взрыв, и начался пожар. В баках спускаемого аппарата сохранилось около 30 килограммов концентрированной перекиси водорода, которая служила рабочим телом для двигательной системы управляемого спуска. Она оказалась гораздо страшнее бензина при разложении выделяла свободный кислород, что способствовало горению.

– Кто первым прибыл на место падения?

Место падения Союза-1: недалеко от горда Орск, Оренбургская область
infourok.ru

– Многие жители из соседнего села. Пытаясь потушить пожар, они забрасывали огонь землёй. Когда приземлились вертолёты службы поиска, то были использованы огнетушители. Прибывший на место падения помощник главнокомандующего ВВС по космосу Николай Каманин потребовал собрать обгоревшие останки отца, которые сразу же отправили в Орск. Весь пепел и мелкие фрагменты собрать было невозможно, на месте падения насыпали небольшой холмик. Лётчик-испытатель Сергей Анохин положил на насыпь, как принято у лётчиков, свою форменную фуражку. Мама потом ездила на место гибели папы, как на могилу.

– Владимир Михайлович успел осознать, что погибает?

– Об этом мы не узнаем никогда. Бортовой магнитофон при пожаре полностью расплавился. Черток рассказывал, что последний доклад отца был уже на посадочном витке, прошло разделение, передача шла через щелевую антенну спускаемого аппарата. Голос отца прослушивался с трудом. Отец хотел предупредить о каком-то происшествии, но связь при входе в плотные слои атмосферы оборвалась. Нам говорили, что корабль снижался с большой скоростью, от страшных перегрузок отец мог погибнуть мгновенно.

Место гибели: город Щёлково.

25 апреля на траурном митинге с трибуны Мавзолея выступили Суслов, Келдыш и Гагарин. Урну с прахом Комарова установили в нишу Кремлёвской стены.

Перед полётом Владимир Комаров слушал новую песню Пахмутовой и Добронравова «Нежность», которая вышла в цикле "Обнимая небо" и была посвящена лётчикам. В день похорон строчки – "опустела без тебя земля..." прозвучали уже, как реквием по самому космонавту.

В выданном свидетельстве о смерти в графе «причина» было указано: обширные ожоги тела, место гибели: город Щёлково.

– У мамы от возмущения срывался голос: "Какое Щёлково? Какие ожоги тела, если от тела ничего не осталось?" Она показала это свидетельство Гагарину: "Юрочка, и кто мне поверит, что я вдова космонавта Комарова?"

Гагарин побледнел, пошел «наверх» разбираться... Вскоре маме принесли другой документ, где уже значилось: "трагически погиб при завершении испытательного полёта на космическом корабле "Союз-1".

– Дублёром Владимира Комарова был Юрий Гагарин. Многие были уверены, что, отправившись на недоработанном «Союзе» в космос, ваш отец спас, прикрыл первого космонавта.

– Во-первых, папа сам хотел слетать. Последние полтора месяца перед полётом он не пил холодное молоко и кефир из холодильника, чтобы не заболеть.

– Во-вторых, он возглавлял отряд подготовки космонавтов, был более взрослым и опытным в отряде, уже совершил полёт в качестве командира первого многоместного корабля «Восход». Когда многие только пошли учиться в академию имени Жуковского, он уже имел высшее инженерное образование, знал «Союз» буквально "до винтика". Папа дал согласие на полёт, даже, если бы на месте Гагарина был другой космонавт. Жить потом с тем, что вместо тебя пошел на риск другой... Нет, он так поступить не мог.

А с Гагариным они дружили, даже дни рождения отмечали на работе сообща (оба мартовские). Их судьбы вообще трагически переплелись. Юрий Алексеевич учился в Оренбурге, папа погиб под Оренбургом. У папы родиной его предков была Владимирская область. Гагарин погиб под Киржачом во Владимирской области.

– У мужчин не принято отмечать 40-летие. Владимир Комаров широко отпраздновал юбилей. Получилось – ровно за сорок дней до полёта. Он не верил в приметы?

– Тот юбилей папа отмечал три дня. Сначала приехали родственники, потом у нас дома гуляли папины коллеги, следом собрались его друзья. Мама ведрами жарила цыплят табака. Папа выпивал первый бокал сухого вина, а дальше в рюмке была только минеральная вода. Гости всё приходили и приходили... Папа словно прощался со всеми.

– После гибели Владимира Комарова вашей маме сложно было оставаться жить в Звёздном городке?

– Летом нам устроили длительный отпуск. Сначала мы поехали на Кавказ, в Пятигорске жили на даче Косыгина, потом нас отправили в Крым. На море надо мной взял шефство космонавт Волков. Коллеги отца ловили кагранов, вечером запекали их на огне и приглашали нас на пикник.

В Звёздном городке маму спросили, где бы она хотела жить с детьми. Брат закончил школу, ему нужно было поступать в институт. Мама с ужасом думала, что Женя будет жить в общежитии или мотаться каждый день на занятия на электричке, и приняла решение переехать в Москву. Были те, кто её осуждал, говорил, ну вот, поехала за лёгкой жизнью. Нам предложили несколько вариантов квартир, одна из которых была в знаменитом "доме на набережной" около Кремля. Мама сказала: "Я не смогу каждый раз, выходя на балкон, видеть могилу мужа". А потом мы поехали смотреть квартиру у метро «Аэропорт», которая раньше была коммуналкой. В одной из комнат на стене

висел папин портрет, вырезанный из газеты. Мама поняла, что это знак судьбы, и решила остановиться на этом варианте.

ПОРТРЕТ С СЕКРЕТОМ.

7 ноября 1967 года в честь 50-летия советской власти в Манеже открылась выставка, где был впервые выставлен портрет отца.

Художник Александр Лактионов прислал маме приглашение: уважаемая Валентина Яковлевна, мы с Владимиром Михайловичем ждём вас такого-то числа, в такое-то время. То есть от себя и от папы.

Лицо на портрете художник писал с отца. Пару месяцев он ходил к Лактионову позировать. После гибели папы художнику позировал брат. На пятнадцатилетнего Женю надевали отцовский китель. Он был крупный, спортивный, нередко вместе с космонавтами играл в хоккей. Так что руки на этом портрете моего брата.

Желая взглянуть, как пишется портрет, мама как-то зашла в мастерскую к художнику. Лактионов выпивал и... разговаривал за столом с папиным портретом. Они успели с отцом подружиться.

И портрет он написал "с секретом". У мамы даже мурашки побежали по коже, она не раз повторяла: "Идешь, и как будто следом глаза Володи за тобой следят, поворачиваются".

Маме тогда пришлось нелегко. Она вообще не помнила события первого года после гибели отца. Чтобы отвлечься, поступила на работу в агенство печати «Новости». Она историк, работала редактором на выпуске. Проверяла все факты, цифры, фамилии. Мной занимался брат, который был старше меня на восемь лет. С детства он бредил морем, с папой они строили подводные лодки с моторчиком, запускали их в ванне. После гибели папы мама как-то спросила брата: "Женечка, кем же ты хочешь стать?". Он ответил: "Не беспокойся, мама, я не буду ни лётчиком, ни моряком. Я буду физиком".

– Друзья отца не оставили вас?

– Что вы! Друзья отца на протяжении многих лет собирались на его день рождения. Это не был день траура. Было весело, человек же родился! Мама в обязательном порядке оставляла за столом два свободных места для двух самых близких друзей отца – лётчиков – истребителей, дяди Вити Кукушева и дяди Толи Скрынникова. Также они каждый год – без звонка приезжали к маме на её день рождения, 2 сентября. И обязательно каждый – с двумя букетами от себя и от папы.

За столом лётчики вспоминали, что отец не раз был на волосок от смерти. С 1952 по 1954 год они служили в Закарпатье. В полк приходили первые реактивные самолёты, которые нужно было испытывать в различных ситуациях. Лётчики гибли почти ежемесячно. Однажды отец летел в одной спарке, а впереди шел более опытный лётчик, который прошел войну. Была низкая облачность, кругом горы, покрытые лесом.

Вдруг первый самолёт пошел вниз, под облако, задел верхушки деревьев, и разбился. Отец, наоборот, пошел вверх и благополучно приземлился. Так потом его таскали на допросы. У него была невероятная интуиция. Не раздумывая, он выбрал нужный курс. Потом ему приходилось садиться на последних каплях горючего. Мама рассказывала о ночных полётах. Ревут двигатели самолётов, все женщины крепко спят. Как только наступила тишина, в окнах зажигался свет, все понимали: что-то случилось, раз всех разом посадили.

Однажды прошел слух, что погиб лётчик, чья фамилия начиналась на букву «К». Во двор вышла мама с двухлетним Женей и её соседка с грудничком на руках. Обе стояли, ждали, к кому придут. Пришли к маминой соседке.

– Судьба не раз отводила Владимира Комарова от космоса. Известно, что однажды, во время тренировки на центрифуге электрокардиограмма зафиксировала «неполадки» в работе сердца.

– Папе тогда запретили на полгода перегрузки и парашютные прыжки. Чтобы доказать, что он здоров, он поехал в военно-медицинскую академию в Ленинград, к кардиохирургу Вишневному. Академик его обследовал, выдал заключение, из которого следовало, что такие «пики» на кардиограмме бывают при больших нагрузках как раз у людей с тренированным сердцем. Потом Вишневский приглашал папу в академию, чтобы он поговорил с маленькими пациентами перед сложной операцией на сердце. Папа подбадривал малышей, давал потрогать им свою Золотую Звезду.

– Говорят, Сергей Королёв хотел забрать Владимира Комарова из отряда космонавтов к себе на фирму?

– Это предложение Королев делал отцу неоднократно. Когда мы были в гостях у Сергея Павловича он даже обратился за помощью к маме: "Валечка, ну хоть ты подействуй на него. Чего он сопротивляется?". Это было осенью 1965 года. В январе 1966-го Королёва не стало. Мама очень жалела, что не смогла тогда уговорить отца.

"Где папина вторая Звезда, мы не знаем".

У Владимира Комарова две могилы. Прах его покоится в нише Кремлёвской стены. Чтобы поклониться его памяти, родным приходится выписывать специальный пропуск. До второй могилы, что в оренбургской степи, надо добираться на четырёх видах транспорта.

– Мама рассказывала, что на целине в 1967 году не было ни воды, ни деревьев. И вдруг у самодельного обелиска, который поставили офицеры и солдаты, служившие в части неподалёку, зазеленели берёзки. Причём сложилась традиция: каждый водитель, кто проезжал мимо, брал с собой воду в канистре и съезжал с дорожки, чтобы полить берёзки.

Мама часто бывала на могиле, читала ученические тетради с отзывами, которые оставляли посетители музея космонавта, что располагался в соседнем селе. В 1987 году самодельный обелиск из чёрного камня, эскиз которого выполнил солдат-срочник, постоянно сидевший на «губе», заменили на «государственный» обелиск. Около памятного знака разрослась целая рощица, но мама помнила те тоненькие берёзки-прутики, что поднимали на папиной могиле всем миром.

– Где хранятся две отцовские медали "Золотая Звезда"?

– Одна Золотая Звезда находится в музее Российской армии. У нас её забрали в 70-ом году. А про вторую Звезду мы ничего не знаем. Дело в том, что её никто маме не вручал, секретарь Президиума Верховного Совета СССР Михаил Георгадзе передал только грамоту о присвоении папе звания Героя.

– Какие вам полагались выплаты?

– Нам платили пенсию за отца 180 рублей, на меня и брата – ещё по 75. Когда рухнул Союз, все льготы отобрали. Раньше по требованию выделяли машину, потом за одну поездку надо было заплатить 70 рублей. В 1991 году это были большие деньги. Я помню, вдовы Покрышкина и Кожедуба искали третью компаньонку, чтобы вскладчину оплатить машину, и съездить к врачу.

Когда отменили персональные пенсии, мама пошла в районный военкомат, встала на учёт, как вдова полковника. Пенсия в 1995 году за отца в переводе на доллары составляла 50 долларов. Жизнь папы оценили в 50 долларов. Мама говорила, что такого унижения она не испытывала никогда. На электричке она ездила в Звёздный городок за продуктами, которые им выдавали по талонам. Мама умерла в 65 лет. За неделю до своего дня рождения.

– Замуж она так и не вышла?

– Мама постоянно снился папа. У неё было ощущение, что он до неё дотрагивается руками. Они очень любили друг друга. Я ни разу не слышала, чтобы они ругались. Отец впервые увидел маму на снимке, который был выставлен в витрине фотоателье. Он в 1949 году служил в Грозном. Мама там училась в педагогическом институте. По случаю начала взрослой жизни, родители сшили ей шикарное белое пальто. Папа не мог пройти мимо чернобровой красавицы в белом, стал о ней расспрашивать фотографа. А потом они с другом стали «патрулировать» центральную улицу Ленина, однажды заметили в студенческой компании незнакомку с фото и вычислили, где она живёт. Папе выдали в качестве дополнения к пайку шоколад, которым он стал делиться с мамой. Через полгода они поженились, вскоре родился мой брат Женья.

Комаров с женой и дочкой

[Аргументы и факты](#)
[@aifonline](#)

Мама была красивая женщина. После гибели отца народная молва постоянно выдавала её замуж. Когда умерла жена Косыгина, поползли слухи, что мама стала его новой женой. Потом ей приписали мужа – секретаря обкома партии, следом генерала... Все эти сплетни ей были крайне неприятны. Второго такого замечательного человека, как папа, мама не встретила.

– Как сложилась ваша с братом судьба?

Комаров с сыном Космонавт Владимир Комаров с сыном Евгением рассматривают марки.

visualrian.ru

sputnikimages.com

– Женя поступил на физико-математический факультет МГУ, позже закончил академию внешторга. Я пошла в военный институт, 21 год прослужила в армии, работала военным переводчиком.

Когда я уже прощалась с Ириной Владимировной, в гости зашел Владимир Михайлович Комаров, полный тезка космонавта, его внук.

Недавно они всей семьёй оттирали от краски бюст Комарова на Аллее космонавтов, который испачкали вандалы.

– Пришли, отмыли, как только отошли от монумента, к памятнику пришла компания мальчишек лет по 13–14 с гвоздиками. Накануне показали фильм о погибших космонавтах. Не наш, американский.

За рубежом тех, кто погиб, осваивая космос, помнят поименно. Они сберегли жизни идущих следом.

Вспомним и мы.

По одной из версий причиной катастрофы явилась технологическая небрежность некоего монтажника.

Чтобы добраться до одного из агрегатов, рабочий просверлил отверстие в теплозащитном экране, а затем забил в него стальную болванку. При входе спускаемого аппарата в плотные слои атмосферы болванка расплавилась, струя воздуха проникла в парашютный отсек и сдавила контейнер с парашютом, который не смог выйти полностью.

Комаров выпустил запасной парашют. Тот вышел нормально, но капсула начала кувыркаться, первый парашют захлестнул стропы второго и погасил его. Комаров потерял какие-

либо шансы на спасение. Он понял, что обречён. Комаров погиб при ударе спускаемого аппарата о землю.

В одной из статей, представленных на сайте e-nlo.ru, написано следующее.

"Когда спешат в делах космонавтики, становится не до смеха, скорее до слёз. Геннадий Понамарёв открывает нам причину губительного приземления В. Комарова: – "Перед окончательной сборкой корпус корабля отправляют в специальную камеру, где под воздействием высоких температур полимеризуется теплозащитное покрытие". Так вот, эту операцию категорически запрещается проводить, если корпус не укомплектован парашютными люками. Увы, к нужному сроку люки не подготовили. Что делать? Ждать нет времени. Решили закрыть парашютные контейнеры чем-то вроде временных крышек, грубо нарушив установленный регламент. При полимеризации пары попали в парашютные контейнеры, стенки их стали похожи на "мелкий наждак". Удивительно, но на явное ЧП тогда никто не обратил внимание, а между тем именно оно стало причиной того, что основной купол парашюта так и не раскрылся... К тому же, как было установлено, не сработали двигатели мягкой посадки. Впрочем, если бы даже двигатели сработали, то при огромной скорости падения смягчить чудовищный удар они были бы не в силах.»

Приведя здесь интервью с дочерью Владимира Комарова, я поняла, что в её ответах не хватает каких-то – более точных технических подробностей и объяснений случившейся трагедии...

А вот, как вспоминает о гибели Владимира Комарова в своей книге Михаил Ребров.

Недосказанность, полуправда, а то откровенные сокрытия обернулись против нас. Не знаю, случайно или нет, но в последнее время в самых различных изданиях появилась серия публикаций о "космических катастрофах" и "павших на орбите». Авторы, претендуя на "сенсационную правду", ссылаются на вышедшие в США книги Джеймса Оберга "Красная звезда на орбите" и "Раскапывая советские катастрофы". Сам Оберг кивает на секретные досье ЦРУ и некоего Виктора Евсикова, русского инженера, участвовавшего в разработке кораблей «Союз» и эмигрировавшего за океан.

Признаюсь: фамилия «Евсиков» мне не знакома. Поименно всех работающих на "королевской фирме" знали лишь в отделе кадров и особом отделе. Однако осмелюсь утверждать, что среди первых лиц Евсикова не было. Впрочем, суть не в нем. В опусах Оберга (кстати, потом мы вели переписку) меня насторожило само слово «раскапывая». Время и без того приоткрыло многое. Да и нужно ли «копать», чтобы «вырыть» явную липу. Одна короткая цитата из этого откровения о полете «Союза-1». "Предсмертные крики Комарова зафиксировали американские наблюдательные станции. Он знал об обреченности еще на орбите, и американцы записали его душераздирающие разговоры с женой, Косыгиным, а также с друзьями из группы космонавтов. Когда начался смертельный спуск корабля на Землю, он только отметил нарастание температуры, и после этого были слышны лишь его стоны и, похоже, плач..."

Способов одурачить людей много. Кто-то делает себе на этом имя, кто-то – деньги, иные – и то и другое. Но правда останется правдой: одна на все времена.

СОЮЗ – 1 (рисунок)

storm100

Оригинал взят у – [montrealex](#) в «[Все, что осталось в 1967 году от космонавта Комарова](#)»

...Идея создания нового корабля, который должен прийти на смену «Востоку», родилась у Сергея Павловича Королева вскоре после полета Юрия Гагарина. Главный конструктор не дожил до того дня, когда начались летные испытания «Союза». Они прошли без него и показали, что корабль еще «сырой», нуждается в доводке. И это делалось, хотя и несколько поспешно. Беспилотные испытания следовало продолжить, и такие голоса звучали, однако их заглушали самоуверенность, а быть может, и честолюбие разработчиков. Наверное, в каждой точке зрения есть своя доля истины. Но тогда, по тем или иным причинам, не смогли спокойно и взвешенно подойти к решению вопросов. К тому же близился Первомай, праздники, увы, привыкли отмечать "рапортами и подарками". Полет «Союза» в пилотируемом варианте планировался на конец апреля 1967 года.

Группа журналистов прилетела на Байконур за несколько дней до старта. Официальная встреча с экипажем планировалась на более поздние сроки; мимолетные, накоротке, случались почти ежедневно. Приветствия, шутки, стандартное "Как настроение?" – не более того.

В монтажно-испытательном корпусе готовили корабль и ракету.

До нас доходили слухи, что при одной из проверок отказал клапан системы наддува азотных баков. Потом проявился еще какой-то дефект. И то, и другое быстро устранили, но нервы эти «бобы» потрепали всем.

В один из дней я зашел к Володе в номер (он жил в гостинице на «двойке» – Площадке № 2) и сразу понял, что появился некстати. Извинился и

прикрыл дверь, но он вернул меня: "Что-нибудь срочное?" – "Нет, просто так, поговорить, помолчать". Он улыбнулся: "Садись, помолчим".

Володя всегда был немногословен, в споры не ввязывался, больше слушал, свое мнение высказывал сдержанно и коротко. Программу полета он комментировать не стал. На вопрос о риске ответил не сразу.

– Риск? – он повторил это слово и, чуть помедлив, как бы заглядывая в себя, начал рассуждать: – Есть необходимый риск – когда человек пренебрегает опасностью во имя великой цели. А есть ради пьянящего чувства опасности, ощущения раскованности, собственной смелости.

У риска своя логика, своя героика, своя мораль. Отношение людей к риску, как мне представляется, строится на странном смешении отваги и безысходности, боязни и впечатления, опасности и интуиции, убежденности и надежды... Володя вдруг смолк. Закусив губу, сделал долгий выдох. Наверное, минуту он молчал, как бы выверяя слова.

– И все-таки, воля здесь порой надежнее расчетов, – закончил.

– Ладно, не буду мешать, – собрался уходить я и попросил: – Распишись на фотографии.

Это сейчас никого не удивить автографами космонавта, а в те годы фото с дарственной надписью было предметом гордости обладателя и вызывало зависть у других. Володя сделал это нехотя, даже поморщился, когда ставил роспись и дату (22.04.67 г.), и, возвращая фотографию, сказал: "Остальное напишу потом..."

Программа предстоящего полета, которая не раз видоизменялась, в окончательном виде выглядела так: 23 апреля стартует трехместный «Союз», его пилотирует Владимир Комаров. На следующий день на орбиту выходит другой такой же корабль, но уже с экипажем. Оба «Союза» должны сойтись в космосе и состыковаться. Второй корабль брал на борт троих: Валерия Быковского, Алексея Елисеева и Евгения Хрунова. После стыковки Елисеев

и Хрунов должны были выйти в открытый космос и перейти в «Союз» Комарова...

Поздней ночью началась подготовка к старту. Освещенная голубыми лучами прожекторов, ракета напоминала рождественскую елку. Комаров был в серых брюках и синей куртке.

ЖУРНАЛ «Новости космонавтики».

Elville Shop в Твиттере: "День в истории 23 апреля 1967 года"

Перед посадкой в корабль Володя помахал нам рукой. Потом мы слышали его по громкой связи:

– Самочувствие отличное. Закрепился в кресле, у меня все в порядке. Дайте сверку времени.

Голос его был тверд, совсем не такой, как накануне: без нотки волнения, без тени неопределенности.

– Жду сверку времени, – повторил он и назвал свой позывной:

"Я – "Рубин".

Долгие переговоры, уточнения, вопросы и ответы. Наконец, команда: "Есть контакт подъема!"

Но вот погас в небе огненный хвост ракеты. Растаял в утреннем мареве бело-голубой след инверсии, и космос донес до Земли слова:

– Я – «Рубин», есть отделение третьей ступени...

Неприятности начались с того, что одна из панелей солнечных батарей не раскрылась. Это означало, что «активный» корабль не получит достаточного количества энергии, и ставило под сомнение возможность стыковки с другим «Союзом». Комаров понял, что нелепая случайность может сорвать программу полета, и не скрывал своего огорчения. Пружинный механизм, откидывающий "солнечные крылья" корабля, в принципе прост.

Конструкция надежно работала в барокамере при различных нагрузках, искусственно создаваемых помехах и вдруг... закапризничала. Володя попытался стукнуть ногами в то место, за которым находился злополучный механизм, но освободиться от стопора не удалось. В очередном сеансе связи он доложил:

– Параметры кабины в норме, – и после паузы. – Не открылась левая панель, зарядный ток 13–14 ампер, не работает КВ связь. Попытка закрутить корабль на Солнце не прошла. Закрутку пробовал осуществить вручную...

Земля тоже обдумывала варианты спасения программы, но панель не раскрывалась. Неполадки на борту могли привести к нарушению теплового баланса и израсходованию электроэнергии в первые сутки полета. Всем было ясно: в таком положении «Союз» трое суток не пролетает.

Заседание Государственной комиссии проходило "за закрытой дверью". Никакого иного решения, кроме того, что она приняла, быть не могло: старт второго корабля отменить, баллистикам просчитать подходящий виток для посадки Комарова.

Прошли сутки. За это время Володя пробовал выполнять маневры, контролировал работу бортовых систем, часто выходил на связь, давая квалифицированную оценку технических характеристик нового корабля. Он еще не знал решения Госкомиссии, но понимал: возникшие осложнения заставят программу свернуть.

Отмена пуска «Союза-2» испортила настроение его экипажу (кстати, дублером Комарова был Юрий Гагарин). Космонавты меж собой корили Госкомиссию за перестраховку и нерешительность, вспоминали, как поступал в подобных случаях Королев, но все это были лишь разговоры в свое утешение.

Утром 24 апреля на борт передали распоряжение о посадке. Володя воспринял его спокойно. На восемнадцатом витке, через 26 часов 45 минут после запуска, он сориентировал корабль. Тормозная двигательная установка

включилась где-то над Африкой, двигатель отработал расчетное время (в репортаже с орбиты Володя назвал точную цифру секунд, кажется 140), несколько позже у юго-западных границ страны снижающийся корабль вошел в зону радиовидимости наземных станций слежения.

Наша журналистская группа собралась во дворе МИКа. На втором этаже административной части монтажно-испытательного корпуса одну из комнат занимала Госкомиссия. Из раскрытого окна доносились голоса собравшихся, были слышны доклады информатора по громкой связи, звучали и сообщения Комарова с орбиты. Информации для репортажей было мало. Подробности мы узнавали от космонавта Алексея Леонова, который часто спускался к нам и пояснял, что происходит на этом этапе полета.

Главный конструктор академик В. П. Мишин, председатель Госкомиссии К. А. Керимов, президент Академии наук М. В. Келдыш, министр общего машиностроения С. А. Афанасьев, маршал авиации С. И. Руденко, другое высокое начальство обменивались короткими репликами, которые не вызывали никакой тревоги.

Помню тягостную тишину, когда связь с «Союзом» прервалась. И хотя это соответствовало циклограмме посадки, молчание всегда тревожно. Вскоре «прорезался» голос Комарова. «Рубин» докладывал спокойно, неторопливо, без какого-либо волнения. Журналисты отреагировали на это бурным восторгом, начался оживленный обмен мнениями. И тут "по циркуляру" поступило короткое сообщение: "Объект прошел зону. Время видимости две секунды". А вслед за этим уточнение: "Предполагаемая точка приземления – пятьдесят километров восточнее Орска". Леонов пояснил: "Южный Урал, Оренбургская область". И добавил: "Володя держится молодцом".

Разговор прервал доклад с поискового самолета «Ан-12». Командир сообщал: "Вижу «Союз», рядом люди. К кораблю идут машины..."

Из окна второго этажа слышалось оживление. Веселый настрой прервало сообщение из района приземления: "Космонавт требует врача". Не помню точно, но, кажется, в этой фразе было еще и слово «срочно». Начали думать, гадать, строить предположения. "Ушибся, повредил ногу, перелом" – чего только не говорилось. Не было одного – мысли о трагедии.

Хорошо помню, как кто-то наверху (по-моему, маршал Руденко) стал повторять короткую фразу. "Объект прошел зону. Время видимости две секунды". И рассуждать: "Почему только две? Локаторы должны были вести его дольше? Ведь спуск на парашюте длится значительно больше времени?.."

Ответ на эти вопросы еще не был найден, когда поступил сигнал бедствия.

К вечеру мы узнали подробности. А случилось вот что. Отказала парашютная система. Купол полностью не раскрылся. Володя Комаров погиб мгновенно, без криков и плача, в момент удара «Союза» о землю с огромной скоростью.

То, что осталось на земле после приземления аппарата storm100

Оригинал взят у – [montrealex](#) в «[Все, что осталось в 1967 году от космонавта Комарова](#)»

Мгновенно... Так нам сказали. Но так ли было на самом деле? И что за этим "мгновенно"?

Володя отлично знал технику и понимал логику всех процессов. К тому же на корабле множество приборов, которые фиксируют и предупреждают. Все эти стрелки, табло, лампочки, тумблеры образуют ясное целое, где сосредоточено происходящее. Программное устройство выдавало команды, но их исполнение не было адекватным. Космонавт это уловил сразу. Нервная взвинченность превращала хаос видений, клейкую паутину сигналов в отчетливое понимание безвыходности его положения.

"Что он должен сделать? Что может? Что?.." – мысль работала быстро. Невнятица отступила. Случившееся представлялось в подробностях и целом.

Шоковый период прошел. Кошмар первых минут, когда он очутился в темноте безнадежности, сгинул. Не ситуация исчезла, а страх перед ней. Доказательством тому не слова, а то, как разворачивались события.

Без истерики и надрыва, просто и внятно Володя передал на Землю:

– Все идет не совсем ладно...

Его репортаж был скупым. Он сообщал только то, что считал особо важным. А корабль мчался к Земле. Двигатель мягкой посадки не мог погасить

столь стремительное падение. При ударе спускаемый аппарат лопнул, внутри возник пожар. Когда огонь забросали землей, обнаружили останки космонавта.

Спасатели из группы поиска сигнальными ракетами сразу же сообщили о ЧП. Среди обусловленных кодов сигнала о гибели не было, самый тревожный содержал требование о враче. Его и передали.

Останки советского космонавта Владимира Комарова, погибшего в катастрофе спускаемого аппарата после полета на космическом корабле «Союз-1», 1967 год.

[youtube.com](https://www.youtube.com)

twitter.com

Уже в Москве я увидел небольшой цинковый гроб и то, что осталось от Володи. Главком ВВС маршал К. А. Вершинин после мучительных раздумий распорядился показать это космонавтам – летавшим и не летавшим, – чтобы не строили иллюзий и осознанно шли в полет.

Вот, собственно, и все.

Время не стерло память о Володе Комарове. Помимо сердца ее хранит еще и книжка, которую написал о нем. В ней, к сожалению, нет того, о чем я рассказал сейчас. Тогда это не разрешалось.

И, как всегда, подводя черту под уже написанным, наткнулась ещё на одну очень редкую публикацию...

Пишет storm100

Оригинал взят у – [montrealex](https://montrealex.com) в «[Все, что осталось в 1967 году от космонавта Комарова](#)»

Дорога человечества к звездам усыпана трупами героев.

Одним из таких героев был советский космонавт Владимир Комаров. Его полет на Союз 1 сделал из него первого человека, побывавшего в космосе дважды, и он стал и первым погибшим в ходе выполнения миссии.

Владимир Комаров погиб при завершении программы полёта, когда во время спуска на Землю не вышел основной парашют спускаемого аппарата. Стропы запасного парашюта скрутились из-за вращения спускаемого аппарата. На большой скорости спускаемый аппарат врезался в землю в пустынной местности в Адамовском районе Оренбургской области и загорелся. Аппарат был полностью разрушен при столкновении с землей и вследствие начавшегося после этого возгорания остатков конструкции.

Трагедия произошла из-за спешки в подготовке полета.

На 50-летие Октябрьского переворота партия и правительство захотели от космонавтов чего-нибудь этакого, большого и толстого.

Лёня Брежнев решил стать режиссером невиданного доселе космического спектакля: встречи двух кораблей в пространстве. План заключался в том, чтобы запустить два космических корабля и состыковать их в пространстве с тем, чтобы космонавты могли перейти из одного отсека в другой.

Первую капсулу должен был вывести на орбиту Союз 1 с Комаровым внутри. На другой день хотели запустить Союз 2 с еще двумя космонавтами. Две космолетельницы встречаются, стыкуются, Комаров переходит из своего отсека в другой, его партнер занимает место в первой капсуле и два космонавта возвращаются домой на втором судне. Брежнев дал четко понять, чего именно он хочет.

Гагарин, тем не менее, высказался за то, чтобы отсрочить полёт. Вопрос был: кто скажет об этом Брежневу? Первый в мире космонавт написал 10-страничный рапорт и дал его лучшему другу, казёбэшнику Вениамину Руссаеву, но никто так и не осмелился переслать этот рапорт по команде. Когда до старта оставалось меньше месяца, Комаров вдруг понял, что отсрочка полёта не является выходом из ситуации. Один из его друзей в КГБ посоветовал вообще отказаться от полёта

Согласно книге "[Астронавт](#)" (Starman) авторов Джейми Дорана и Пирса Байзоуни (Jamie Doran and Piers Bizony), Комаров ответил: "Если я не полечу, они пошлют запасного." А запасным был Юрий Гагарин. Владимир Комаров не мог так поступить по отношению к своему другу. В книге приводится его прямая речь слов, сказанных со слезами на глазах: "Я умру вместо него, надо, чтобы он жил".

По мере того, как день полёта приближался, настроение падало у всех всё больше. Обнаружились серьёзные проблемы с управлением корабля в космосе. Предполётные испытания не внушали никакого оптимизма, техники, осматривавшие корабль, обнаружили 203 структурные проблемы. На космодроме царила мрачная атмосфера: когда Комаров садился в машину, которая должна была доставить его до космического корабля, вид у него был отречённый.

Товарищи пытались развеселить его, шутили, подначивали, начали петь, приглашая его подхватить. Ко времени подъезда он уже пел вместе с ними и настроение немножко приподнялось. Гагарин появился на площадке в полном полётном снаряжении и попытался убедить команду позволить ему пилотировать корабль вместо Комарова, но все, включая последнего,

отказались даже впустить его в кабину. Комаров полетел, зная почти наверняка, что погибнет.

Восемь минут спустя он уже управлял самым сложным аппаратом, который когда – либо запускался в космос.

Проблемы начались, когда одна из панелей солнечной электробатареи не смогла расправиться и батарея села, после чего выключились несколько навигационных приборов. Потом начались другие неполадки. Первая попытка изменить орбиту корабля не удалась: он стал вращаться вокруг своей оси и, когда Комаров пытался исправить проблему, вращение только усиливалось. Вышла из строя система термического контроля, связь с Землей стала прерываться и перебои в электропитании мешали ориентации корабля в пространстве.

Ввиду всех этих проблем пункт управления полётом на Земле принимает решение прекратить полёт и командует космонавту покинуть корабль при первом удобном случае. Космонавт безуспешно пытается сориентировать модуль в течение пяти часов. Сигналы, поступающие с корабля по поводу состояния бортовых систем, были абсолютно неадекватными и, в конце концов, связь теряется вовсе. Используя процедуры, которым он не был обучен при тренировках, ему удаётся выравнять корабль и запустить ретродвигатели самому, но несмотря на все эти героические усилия худшее было впереди. Он успешно вошёл в слои атмосферы на своей 19-й орбите, но когда начал спуск, запасной парашют вышел, а основной заклинило в контейнере. См. выше в поста, что случилось. Комаров погиб в 7 утра.

Когда Комаров падал вниз, на американских прослушивающих станциях в Турции могли слышать, как он матерится, проклиная тех, кто послал его на неподготовленном к полёту корабле. Наземным службам он сказал, что погибает. Косыгин позвонил ему по видео телефону сообщить о том, что он герой. Его жене тоже удалось поговорить с космонавтом и она спросила, что ей сказать детям. Косыгин плакал. Когда начался последний этап спуска, американская разведка слышала его крики и переводчики уловили слова о том, что жар в кабине поднимается. Он также употребил слово «убили» для того, чтобы описать, что инженеры сделали с ним.

После этого случая власти допустили, что вся миссия была осуществлена в ненужной спешке и запуск произошёл, когда много чего не было готово как следует. Детали смерти Комарова были тщательно описаны. В интервью газете «Правда» спустя несколько недель Юрий Гагарин подверг резкой критике начальство, которое дало добро на полёт Комарова. Надо отметить, что Гагарин в 1967 году был уже не тот простой и безалаберный парень, которого все видели в 1961. Смерть Комарова легла на его плечи огромной тяжестью, он даже порывался получить аудиенцию у Брежнева, чтобы говорить об этом. Он находился в постоянной депрессии из-за того, что не осмелился заявить Брежневу о том, что полёт нужно отменить.

Гагарин погиб, разбившись на истребителе, через год после смерти Комарова. В народе ходили слухи, что он был пьян и его не хотели допускать к полёту, но не могли перечить первому в мире космонавту.

Прах Комарова был погребен в у кремлёвской стене. Американские астронавты просили у советского правительства разрешения послать своего представителя на похороны, но им было отказано.

Посмертно его наградили вторым Орденом Ленина и присвоили второе звание Героя Советского Союза.

Почему его останки до кремации были положены в открытый гроб и была дана возможность сделать снимок?

Говорят, что об этом попросил сам Комаров, чтобы начальство увидело, что с ним сделало, как бы это была его финальная месть.

Лично я в этом сомневаюсь – партийным бонзам было всегда плевать на людей. Может быть, и скорее всего это было сделано по распоряжению самого «сиськи-масиськи», чтобы отвести вину от себя и преподать нечто вроде урока "инженерам".

В любом случае материалы о смерти как Комарова, так и Гагарина рассекречены не все и, скорее всего, мы никогда не узнаем, кто дал эту команду, но зрелище – из малоприятных и вовсе не из таких уж необходимых. *По материалам зарубежной печати и упомянутой выше книге (для тех комментаторов, кто вечно просит ссылок – их полно по ключевым словам).*
Яндекс.

todrink.ru

Метки: [ДОКУМЕНТЫ](#), [ИсторическоЭ](#), [КОСМОС](#)

Почему я добавила эту нелicenseприятную статью?

В 1967 году мне было 32 года. И работали мы с Виктором на секретном предприятии – НИХТИ, которое занималось ракетостроением. И я прекрасно помню, не только то, что преподносило нам СМИ на блюдечках с голубой каёмочкой. В кулуарах «громким шепотом» обсуждалось то, что оставалось за напечатанными в прессе страницами. Почему-то верилось не официальной информации, а той, что передавалась по «сарофанному радио». И – «почему-то» верилось, что – если Комаров (выдержанный и воспитанный в духе партийности) уже понимал, что гибнет, он мог прокричать в эфир слова не от страха за свою жизнь, а направленные в адрес руководства, обречённого его на гибель. Он выкрикивал, погибая – правду о случившемся, адресованную всем...

Я приведу здесь ещё две коротких вырезки с сайтов...

[Previous Entry](#) | [Next Entry](#)

Соединенные Штаты перехватили последние слова русского космонавта Комарова, когда он в гневе проклинал тех, кто затолкал его в дефектный космический аппарат.

Последние слова русского космонавта Владимира Комарова были перехвачены американской радиоразведкой. Когда Комаров неся к земле и к своей явной смерти в спускаемом аппарате "Союз 1", были слышны его вопли и проклятья в адрес тех, кто затолкал его в дефектный космический аппарат.

Perry Fellwock аналитик американской национальной разведки описывает перехваченный разговор Комарова с офицерами ЦУПа, в котором он говорил им, что знает, что он погибнет.

Через разведывательный радиоцентр, расположенный в Турции, сообщает Perry Fellwock, также удалось перехватить разговор между Комаровым и бывшим Премьер-Министром СССР Алексеем Косыгиным. Было слышно как Косыгин плакал и называл Комарова героем.

Эти новые подробности описываются в новой книге Jamie Doran и Piers Bizony "Звездный человек: Правда за тенью Легенды о Юрии Гагарине". Книга будет опубликована в следующем месяце.

Книга "Звездный Человек" рассказывает о дружбе между Комаровым и Гагариным. Они оба были утверждены на роковой полет "Союза 1" и оба знали, что спускаемый аппарат не давал гарантии безопасного спуска.

Комаров, который к тому времени был женат и имел 2 детей, знал, что он погибнет, но отказался отступить от выполнения миссии, так как Гагарин был его вторым номером, а Комаров не хотел допустить гибели своего друга.

.....Следует отметить, что "Союз 1" имел 203 конструктивных проблем – проблем, которые делали его опасным для управления в космосе. Однако из-за боязни быть пониженным в должности или быть уволенным, никто не посмел сказать Советскому лидеру Леониду Брежневу об имеющихся недочетах. Полет был осуществлен по намеченному плану.

За месяц до полета у Комарова состоялся разговор с разжалованным агентом КГБ Вениамином Руссаевым и при этом он сказал ему:

– "Из этого полета я не вернусь".

.....Когда Руссаев спросил Комарова почему он не откажется от полета, Комаров сказал: "Если не полечу я, то вместо меня они пошлют запасного пилота, это будет Юра и он умрет вместо меня.

А мы должны поберечь его". После чего у Комарова на глазах выступили слезы.

.....При снижении капсулы маленький парашют, не смог вытащить основной парашют, в результате чего в нем запутался парашют запасной.

Затем в книге описывается как американская радиоразведка перехватила крики гнева, когда В. Комаров неся к своей смерти.

Со всей мощью метеорита «Спасательная» капсула с Комаровым врезалась в землю под Оренбургом, от удара капсула расплющилась в результате чего сработали и взорвались тормозные ракеты.

Как сообщает Руссаев в обугленном теле Комарова целой смогли найти только пяточную кость.

By Daily Mail Reporter

Last updated at 6:49 PM on 19th March 2011

<http://www.dailymail.co.uk/news/article-1367857/US-intercepted-Russian-cosmonaut-Vladimir-Komarovs-final-words-rage.html?ITO=1490>

Перевод с английского с незначительной адаптацией 2011.

И последняя вырезка...

..... «Связь оборвалась, когда корабль вошел в атмосферу земли. Спускаемый аппарат шел на посадку. Корабль засекли из поисковых самолётов, и лётчики доложили: – «Видим аппарат. Идёт на посадку, открылся натяжной парашют...» Потом тягостное молчание перед роковым – «Горит на земле». Какими были последние минуты жизни Владимира Комарова, никто не узнает никогда – бортовой микрофон расплавился, бортжурнал сгорел.

Самая распространённая легенда, что пилоты поисковых самолётов слышали матерную брань космонавта, не выдерживает никакой критики: связь возможна была только через антенны на стропах основного парашюта, который так и не раскрылся»...

Источник: – obozrevatel.com

Похороны Владимира Михайловича КОМАРОВА

Снимок опубликован на сайте – Храма великомученика Дмитрия Солунского в посёлке «Восточный».

m.gazeta.ru

Фото с сайта ruspekhn.ru.

Неизвестные кадры хроники.

СОБЫТИЯ В МИРЕ

27 января – на космодроме мыса Канаверал при проведении испытаний американского космического корабля «Аполлон-1» на старте в кабине корабля возникает пожар, в результате которого погибают космонавты В. ГРИССОМ, Э. УАЙТ, Р. ЧАФФИ.

17 апреля – Запуск американской межпланетной автоматической станции «Сервейер-3», которая совершив мягкую посадку на Луну, передаст 6315 телевизионных изображений и технической информации.

04 мая – Запуск американской автоматической межпланетной станции "Лунар Орбитер – 4", которая с окололунной орбиты передаст 163 телевизионных изображений фотографий – фотографий лунной поверхности.

24 мая – Запуск американского искусственного спутника Земли «Эксплорер-34» с целью измерения магнитного поля Земли.

05 июня – На Ближнем Востоке началась шестидневная арабо-израильская война.

09 июня – В ходе шестидневной войны армия Израиля достигла Суэцкого канала. Египтяне, как впрочем и их союзники, были разгромлены. Президент Египта Гамаль Абдель Насер подал в отставку, которая не была принята. На следующий день боевые действия завершились. Через шесть лет вспыхнет новая война, более упорная, но практически, с тем же исходом. Войны начинаются и заканчиваются, но дорогу к миру всё равно приходится искать, и этот путь оказывается гораздо более длинным, требующий не дней, а многих лет, и даже десятилетий.

17 июня – Китайская Народная Республика объявила об успешном испытании своей первой водородной бомбы.

03 августа – 45 тысяч американских солдат посланы во Вьетнам.

09 октября – В Боливии убит партизан-революционер Че Гевара.

07 ноября – В сторону Луны запускается американская автоматическая межпланетная станция «Сервейер-6», которая совершив мягкую посадку на Луну, передаёт на Землю результаты химического анализа грунта Луны.

9 ноября – старт корабля Аполлон-4 (США), приземление 9 ноября. Экипаж – беспилотный.

13 декабря – Запуск американской автоматической межпланетной станции «Пионер-8», с целью выхода на орбиту вокруг Солнца с внешней стороны орбиты Земли.

РАЗНОЕ

26 января – хунвэйбины ("Красные стражи") осаждали здание советского посольства в Пекине, как ответный шаг на высылку китайских студентов из Москвы.

09 сентября – На ранчо Сан-Луис на юге штата Колорадо, США, находят лошадь, с которой аккуратно снята шкура, удалён мозг, внутренние органы, позвоночник. Вокруг виднеются странные отверстия в почве и отмечается повышенный уровень радиации.

В СССР

18 января – советская автоматическая межпланетная станция «Луна-12» упала на поверхность Луны.

22 января – Исполком Моссовета утверждает проект памятника на Могиле Неизвестного солдата, в память героям, погибшим во время Великой Отечественной войны. Дается зелёный свет возведения одного из главных культурных комплексов Москвы.

Затем будет торжественное открытие, на котором выступят маршал Рокоссовский и мать Зои Космодемьянской. Факел, зажженный на питерском Марсовом поле, поднесёт к горелке сам Леонид Ильич Брежнев. Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ посвятит мемориалу строки: "Чёрный камень, черный камень, что ж молчишь ты чёрный камень?" Надпись на памятнике сочинят четверо писателей, среди которых СИМОНОВ и МИХАЛКОВ. "Имя его неизвестно, подвиг его бессмертен". По указанию сверху, надпись изменят на другую: "Имя твоё неизвестно, подвиг его бессмертен. Один из авторов мемориала, скульптор В. А. КЛИМОВ утверждал: – "У такого мемориала надо посидеть, подумать...". Однако у могилы неизвестного солдата нет ни одной скамейки. И это правильно.

07 марта – Постановление ЦК КПСС, СМ СССР и ВЦСПС о переводе рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на 5-дневную рабочую неделю с двумя выходными днями.

12 апреля – Министром обороны СССР назначен Маршал Советского Союза А. А. Гречко.

13 апреля – Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР о переводе совхозов и других сельскохозяйственных предприятий на полный хозрасчёт.

23 апреля – С космодрома Байконур осуществлён запуск ракеты-носителя «Союз», которая вывела на околоземную орбиту советский пилотируемый космический корабль «Союз-1». Корабль пилотировал Владимир Михайлович Комаров. Дублёр – Юрий Алексеевич Гагарин. Приземление 24 апреля.

24 апреля – Близ Орска при посадке разбился спускаемый аппарат космического корабля «Союз-1». Лётчик-космонавт Владимир Комаров погиб. Причиной аварии стало не раскрытие парашюта.

18 мая – Председателем КГБ назначается Юрий Владимирович Андропов.

10 июня – СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем в результате шестидневной войны. Восстановлены дипотношения будут только в 1991 году.

29 июля – Открытие 4-ой летней Спартакиады народов СССР.

08 сентября – Пожар на атомной подлодке К-3 «Комсомолец» Северного флота, погибают 39 человек. Пятью годами раньше эта лодка в составе группы атомных подводных лодок достигла подо льдом Северного полюса.

26 сентября – Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР "О мерах по дальнейшему повышению благосостояния советского народа" – увеличение зарплат, пособий и пенсий, увеличение отпуска и снижение налогов.

30 сентября – Впервые в космосе производится автоматическая стыковка кораблей: ими становятся советские «Космос-186». И "Космос 188".

12 октября – в СССР принят закон о всеобщей военной обязанности, который устанавливает новый срок службы в Советской Армии – 2 года вместо 3-х (в ВМФ СССР – 3 года вместо 4-х).

18 октября – Совместный космический аппарат «Венера-4» успешно садится на поверхность Венеры. Таким образом, впервые осуществлена мягкая посадка на другую планету.

30 октября – Впервые в космосе произведена автоматическая стыковка кораблей: ими стали советские «Космос-186» и "Космос-188".

31 октября – В СССР утверждён Орден Октябрьской революции и объявлена амнистия в связи с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции.

РАЗНОЕ

01 января – В Советском союзе состоялась премьера советского мультфильма "Ну, погоди!".

09 января – началось строительство Волжского завода в городе Тальятти.

06 марта – Светлана Аллилуева, дочь Сталина, обратилась в американское посольство в Дели с просьбой представить ей политическое убежище.

01 апреля – премьера фильма "Кавказская пленница, или новые приключения Шурика".

15 октября – Завершено строительство монумента «Родина-мать» в Волгограде.

04 ноября – Завершено строительство Останкинской телебашни, в то время самого высокого сооружения в мире.

11 ноября – Свердловск. СССР. Из-за неисправности радиолокатора сталкивается с землёй «Ил-18». 130 погибших.

13 ноября – На экраны выхолит комедия режиссера Андрея Тютышкина "Свадьба в Малиновке". В фильме снимались: Михаил Пуговкин, Владимир Самойлов, Михаил Водяной, Зоя Фёдорова, Татьяна Носова, Алексей Смирнов.

16 ноября – Около Свердловска, Россия, самолёт «Аэрофлота» ИЛ-18 поднимается до 700 футов и падает на землю. Все 107 человек на борту погибают. Отказ авиагоризонта и компаса.

19 декабря – РСФСР награждена Орденом Октябрьской Революции.

25 декабря – в Москве, на улице Осипенко рухнул пятиэтажный дом, похоронив под развалинами 147 человек.

Часть 2 Диплом

Вторая справа в третьем ряду снизу вторая – я, Дудко И. В.

На ряд ниже – Яночка Полк, в доме у которой мы отмечали окончание института. Рядом – Валя Сухарева, а под её фотографией – её муж, Женя Алексеев. Картушин Валя, который жил в доме, где мы жили с Виктором в коммуналке, только этажом ниже. Рядом – Уриади Копелл. Он прожил недолгую жизнь. Случайно увидели памятник, поставленный ему на нашем старом кладбище.

С левой стороны фотографии, четвёртая сверху – ещё одна моя подружка – Люся Шалунова.

Мы с Витей первое время поддерживали отношения с Шалуновыми Люсей и Володей, и все годы нашей жизни дружили с Валею Сухаревой и Женей Алексеевым, который умер в 2006 году, а Валя – в 2009 – ом...

ВСПОМИНАЕТ ИРАИДА

1967-ой год. Также, как и – предыдущий, особыми событиями не отличался.

В этом году, наконец пришел конец моей долгой учёбы в Менделеевке.

Диплом я получила после защиты. А защита начиналась с момента получения темы диплома и преддипломной практики.

Тема диплома, которая досталась мне – переработка пластмасс методом литья.

Нужно было, в соответствии с заданными данными, «создать» литьевую машину и нарисовать её в разных разрезах. «Создать» – это громко сказано. Не только я, но и многие другие,

получившие подобную тему дипломники, и в глаза-то не видели литьевую машину. А чтобы придумать, т. е., сконструировать что-то самостоятельно?

Поэтому не удивительно, что мы все кинулись доставать синьки с чертежами любой литьевой машины, и копии старых дипломов.

В общем, мы, как шпионы, рыскали в институтской библиотеке, выпрашивали у лаборантов – где бы..., и как бы...?

Что-то отыскивали, что-то передирали, переписывали то, что надо, и то, что не надо... Кое за что приходилось платить, но, к счастью, по сравнению с сегодняшними временами, это были мизерные суммы.

Синьки я достала на время – в долг, кажется, за минимальную плату.

А вот – расчёты достать не смогла. Поэтому пришлось пользоваться «болванкой».

Заполучив «болванку» расчётов, мне оставалось в формулы подставлять свои заданные данные.

Готовые расчёты показывались руководителю диплома, и считались готовыми после получения от неё (у меня руководителем была назначена преподаватель – женщина) – подписи.

Поскольку, в формулах расчётов, использовались какие-то коэффициенты, в которых я тоже не очень-то разбиралась, подпись руководителя дипломного проекта мне удалось получить чуть ли не с пятого раза, в критические для диплома сроки.

На консультациях нам заворачивали (возвращали на доработку) – то расчёты, то экономическую часть и т. д. Но, как – бы то ни было, диплом был готов, и подписан всеми консультантами и руководителем диплома.

С синек, через стекло, переводили чертежи – на ватман. Естественно, чертежи не соответствовали заданным рассчитанным данным. Но кто будет на защите это проверять?

Дома у мамы мы раздвинули стол, вынув среднюю доску, и сверху положили большое стекло из серванта. Под столом установили настольную лампу. На стекло клали синьку с чертежами, а сверху – ватман. Мама аккуратно переводила на ватман чертёж. Линии у неё были тонкими, аккуратными. Но я находила чертёж бледным. Поэтому обводила чертёж карандашом ТМ, от чего линии становились жирными, а чертёж – грязным. Приходилось выкрашивать кучу мякиша от белого батона, и очищать лист добела.

Но это были всё детали, знакомые каждому дипломнику.

Самым памятным для меня осталось воспоминание о преддипломной практике.

Мне дали направление на практику на Карачаровский завод пластмасс, где меня в свою очередь перенаправили в проектное бюро завода – к Шембелю Иосифу (отчество не помню, кажется – Алексеевичу).

Проектное бюро завода – большой зал, заставленный кульманами, за которыми подрёмывали (шучу) конструктора. Шембель сидел за кульманом, стоявшим у стены. Внешне он был, вероятно, чуть старше меня, приятной внешности, с русыми волосами, и голубыми глазами. Чем-то напоминал Есенина, наверное – обворожительной, доверчивой улыбкой, проникавшей в душу. Он подвинул стул, усадил меня рядом.

Для начала, как он выразился – для знакомства, стал расспрашивать обо мне. Как-то неожиданно так получилось, что история моей жизни в чём-то напоминала его историю. Он тоже кончил вечерний институт, имеет семью, и тоже – двоих детей: девочку и мальчика. Причём. Каждый раз, как выявлялись какие-то схожие события в наших историях, он касался пальцами руки моей коленки. Странно, но меня это не возмущало. Наша беседа плавно перетекла в болтовню обо всём – разном.

Поскольку рабочий день кончился, он предложил проводить меня домой. Сначала я отказалась, но он уговорил меня, сказав, что ему всё равно по пути, и проводит он меня до остановки автобуса – это квартала два.

Мы шли не спеша, продолжая болтать. И вот именно эти 15–20 минут нашего совместного пути запомнились мне надолго.

Была весна. И впереди был – диплом, а это означало – конец длинным сидением вечерам и ночами за выполнением контрольных заданий, когда дети и Виктор уже спят, и глаза слипаются – тоже хочется спать. И остро чувствовалось приближение чего-то нового, манящего неизвестностью...

Мы шли и болтали. Он взял меня под руку, и мне вдруг показалось, что вокруг меня – сиреневый туман, и мы не идём, а плывём по воздуху, растворяясь в нём... Незабываемое ощущение. Жаль, что оно в жизни повторяется очень редко. Нет, это была не мимолётная влюблённость. Это был букет платонических ощущений, аромат которых пьянит, волнует и, может быть, даже – зомбирует.

Я даже не помню, о чём он говорил. Он был остроумен, шутил. Теперь он чем-то напоминал артиста Рыбникова. Я поддакивала. Допускаю, что могла даже подать ему надежду ещё на такой же вечер...

Мы расстались на остановке.

Под впечатлением этого провожания, я, следующие два дня прожила, как в тумане. Причём чувствовала себя виноватой перед Виктором, хотя – ничего предосудительного – не совершала. Но, при воспоминаниях об Иосифе, я непроизвольно улыбалась. Я старалась сразу же загасить улыбку, боясь, что кто-то заметит, и не правильно расшифрует её...

Но вот прошло два дня. И будто бы – пелена спала с моих глаз. Мне уже не хотелось вспоминать эти неожиданные пережитые мгновения. Не хотелось ехать на завод, а ехать надо было. Ведь, о проведённой практике нужно было представить в институт подписанный Шембелем отчёт.

Когда я приезжала на завод ещё несколько раз, я вела себя с Иосифом сдержанно, отчуждённо строго. Приезжала днём, чтобы не дать повода провожать меня до остановки. Может быть, именно эта резкая перемена в моём поведении завороживала его, а, может быть, разыгралось чисто мужское обманутое ожидание свежих отношений? Но мне всё равно приходилось общаться с ним во время моих приездов на завод.

Вместо обсуждения вопросов, связанных с преддипломной практикой, он говорил мне, что влюбился в меня без памяти. По словам – у него в жизни так получилось, что его жена намного старше его. Кажется, она была учительницей в вечерней школе, которую он кончал. Они поженились. Но годы бегут. Жена – строга, и ревнива... И т. д.

Я с облегчением вздохнула, когда получила в руки, подписанный им отчёт о преддипломной практике. Но на этом история нашего знакомства не окончилась.

Несколько раз он поджидал меня, когда я возвращалась из института, у станции метро – Новослободская, с маленькими букетиками подснежников или незабудок.

Пришлось каждый раз проходить мимо него, уцепившись за моих подружек – Валюшу Сухареву или Люсю Шалунову. Он настоятельно просил меня уделить ему несколько минут. Я попросила девочек меня подождать. Но, когда он опять стал говорить всё о том же, о своих чувствах, и т. д., я попросила не преследовать меня. Он сказал, что не в состоянии забыть меня... И тогда я не знаю почему, но сказала ему жестокие слова – «А ты живи с этим чувством, если не в состоянии забыть меня. Но знай, что если не сумеешь забыть сейчас, любить меня ты будешь всю свою жизнь, до самой старости»...

И ушла. Я не знаю, какие чувства на самом деле он испытывал ко мне тогда и после. Но сначала он продолжал меня преследовать, часто поджидая на Казанском вокзале, в то время,

когда я уже работала в Москве, и возвращалась домой, спеша на электричку. Потерял он меня из вида, когда я стала ездить на автобусе от метро Кузьминки до Дзержинки.

Ему удалось узнать наш домашний телефон, и в Дзержинке, и – позже, когда мы уже в Москве получили квартиру. А ведь со времени нашего знакомства уже прошел не один год...

Я спокойно разговаривала с ним, переведя сразу же разговор в русло его жизненных событий. И он рассказывал мне о своей работе, об очередных повышениях и продвижениях по службе. О том, как растут дети, и о сложных отношениях с женой. Через определённое число лет, он рассказал мне, что с женой развёлся, но забыть меня так и не может.

Где-то, уже через многие годы, он звонил редко, но всё-таки звонил, как будто проверял – живу ли я ещё на этом свете. И не спрашивал меня о моей жизни, а сразу же, уже по привычке рассказывал о себе. Говорил, что женился. Вышел на пенсию. Из Москвы перебрался к жене, в Подмоскowie, в местечко, которое славится знаменитыми резчиками по дереву. И все дома украшены резными ставнями и другой резной росписью. И он надеется, что, может быть, когда-нибудь покажет мне этот сказочный городок.

Но я в это время переживала какие-то неприятные события, и, в первый раз, изменяя своим привычкам, заговорила о себе. О том, что у меня неприятности – кто-то болен, и ещё что-то идёт не так...

И, вдруг, это для него подействовало, как – ушат холодной воды на голову. Я сразу почувствовала по его голосу, как он сник.

Вероятно, я в его жизни так и осталась какой-то мерцающей звёздочкой, к свету которой иногда он тянулся. А в этот момент он понял, что жизнь-то прошла, пролетела, и звёздочка – погасла.

Больше он мне не звонил никогда. А слова мои тогда оказались в каком-то смысле пророческими...

В том далёком 1967-ом году я окончила институт.

К защите я сшила сама себе новое платье. Для него я купила материал бежевого цвета с беленьким штришком, как у берёзки. Правда, платье было сшито в обтяжку, и немножко коротковато. Или я купила маловато материала, или мода такая была, а скорее всего, просто я была портниха «яниха» – не ахти какая...

Перед защитой вечерников, проходили защиты выпускников дневных групп. Нам рекомендовали сходить на несколько защит, чтобы иметь представление – как они проходят. Помню я, случайно, попала на одну такую защиту.

Именно случайно. Да и защита была какая-то странная. Она проходила не в аудитории, как все остальные, а в лаборатории, куда я зачем-то забежала. Перед одной из двух дверей была поставлена специально принесённая школьная доска на ножках. На ней висели на гвоздике несколько плакатов с прекрасно выполненными чертежами. Перед доской, спинками к окнам, было поставлено с десятков стульев, на которых восседали преподаватели. Собственно, другого места в лаборатории и невозможно было бы выбрать, так как стоявшие в ряд, длинные столы, с пробирками для лабораторных работ, были стационарными, и их при всём желании сдвинуть было бы невозможно.

Наконец, все говорившие замолчали, встал какой – то преподаватель и объявил о том, что сейчас будет проводиться защита диплома, и назвал странно звучащую фамилию. Как позже я поняла, что дипломница была из Прибалтики, и по какой-то причине её заслушивали в исключительном порядке.

Наконец, к доске вышла дипломница с указкой в руках. Вы думаете, я слушала суть того, что она говорила с акцентом, ставя ударения в каждом слове на последнем слоге? Ничего подобного. Как только я её увидела, с неё не спускала глаз. Правда иногда поглядывала на

преподавателей, которые в этот раз были все мужского рода. Они, пожирали глазами эту девушку...

Дипломница была высокой стройной девушкой, с лёгким, искусно нанесённым макияжем, подчёркивающим её какую-то русалочью красоту. Волосы струились по спине. А главное – на ней был свитер, напоминавший мини платье.

Свитер был толстый, крупной вязки, белоснежный, с ажурным рисунком, оставлявшим симметричные просветы, проще говоря – дырки. Когда она стояла прямо, местами можно было просмотреть только загорелое тело, на котором, кроме свитера ничего не было одето. Но, если она рукой с указкой двигала вдоль доски, в этих дырочках мелькали обнаженные соски. К низу в свитере эти дырочки были выполнены мельче. Поэтому, наверное, не только меня интересовало – а есть ли на ней трусики?

После доклада, члены комиссии, с елейными улыбочками задавали ей вопросы, а в конце защиты все дружно поздравляли её, рассматривая уже с очень близкого расстояния. Конечно, ей поставили – пять.

Я, вспомнив своё платье, которое сидело на мне, как на матрёшке, поняла, что на пятёрку мне рассчитывать не приходится.

Со мной в институт, на защиту диплома, поехал папа. Сам он не кончал институт, поэтому с одной стороны ему интересно было посмотреть, как это происходит, а с другой – он хотел быть сопричастным к моей защите. Он гордился мной. И мне было это приятно.

Жалко – моя бабуся, мечтавшая о том, что я когда-нибудь получу высшее образование – не дожидая до этого всего три года...

Защитилась я на четвёрку. Как сказал кто-то из членов комиссии, в моём дипломе не было творческих моментов, т. е. была представлена существующая литьевая машина, без модернизации, или каких-нибудь экспериментальных предложений. Ещё чего захотели! Я литьевую машину, да и другие подобные и в глаза не видела. Спасибо, такую машину нарисовала...

Мама мне переводила с синек через стекло чертёж на ватман, а я обводила. У меня была слабость – я не умела чертить тонкие линии. Они всегда получались у меня жирными, толстыми. Но зато видно всё было отлично даже издали.

Мы с папой приехали домой, где мама уже накрыла праздничный стол. Все меня поздравляли. Как и я, все жалели, что бабуся не дожидая до этого момента.

А я про себя, мысленно говорила моему – безвременно покинувшего нас братишке, что я сдержала слово, и выполнила данную ему клятву – окончила институт и за себя, и за него...

После защиты ещё несколько раз съездила в институт. Сначала за дипломом, потом за фотографией, на которой запечатлены все выпускники III выпуска 1967 года заочного факультета и преподавателей МХТИ.

Фотография – оказалась большая по размерам, и не помещалась в сканер. Пришлось перефотографировать, чтобы вставить сюда. Снимок приведён вверху, но рассмотреть на нём чётко что-нибудь трудно.

Дома все наши фотографии долго хранились в нижнем ящике серванта. Однажды мои малыши, уселись на пол, залезли туда, вытащили часть фотографий и с великой радостью от недозволенного действия, начали рвать снимки. К сожалению, в первую очередь в их шаловливые ручки попадались самые дорогие для будущих воспоминаний снимки – и мои и Виктора. Вот и эту выпускную фотографию постигла та же участь.

Склеилась она небрежно. Тем не менее, к счастью моё лицо – сохранилось. Чтобы лучше рассмотреть лица и фамилии преподавателей МХТИ и выпускников на этом снимке – рвать на части фотографию нет необходимости. «Мы пойдём другим путём»...

Сделаем копии. Обрежем их так, чтобы из фотографий получилось – несколько самостоятельных снимков. Увеличим их до допустимых размеров. Посмотрим – что получится...

Получилось – плоховато, конечно. Видно при увеличении с мелких кадров ухудшается качество снимка. Но хоть так, это лучше, чем никак.

Крайний левый угол фотографии

Крайний правый угол фотографии

Это верхний ряд с фотографиями преподавателей

С момента окончания института прошло уже 52 года. Если вспоминать о каждом – хоть немного, получится отдельная книга.

Поэтому эту идею пока – отложим...

Но не могу не сказать пару фраз в адрес всеми любимого нашего – «крёстного» – заведующего факультетом – Авербуха Самуила Борисовича.

В верхнем ряду преподавателей, второй справа – наш любимый заведующий факультетом – доцент АВЕРБУХ Самуил Борисович.

В центре – ректор института профессор Кафтанов Сергей Васильевич (выпускник МХТИ).

В 1959 году, в июне м-це на Сталиногорском (Новомосковском) химическом комбинате организован вечерний факультет МХТИ им. Д. И. Менделеева, декан – доцент А. И. Родионов; прием – 200 студентов.

А в Москве, в основном здании МХТИ открыт факультет заочного обучения, декан – доцент С. Б. Авербух, факультет работал до 1969 года.

Так что мне повезло. Я поступила на этот факультет на втором году его открытия и окончила за 2 года до его закрытия.

Хочу отметить, что по своей организации работ, заочный факультет работал почти, как вечерний. Мы могли посещать вечерние лекции по многим обязательным предметам. Все лабораторные работы, зачёты и экзамены сдавали тоже в Москве, в основном здании МХТИ. Только по некоторым предметам, причём – не основным, мы обязаны были писать дома и сдавать в институт контрольные работы, по которым нам ставили зачёты и разрешали допуск к экзаменам. Самым ценным для всех были вожеленные справки, на основании которых на предприятии нам оформлялся оплачиваемый отпуск для сдачи экзаменов в зимнюю и весеннюю сессии. Но справки Авербух выдавал при условии всех сданных зачётов и контрольных работ.

Помню, стою под дверью кабинета Авербуха С. Б., и раздумываю – зайти или нет? Даст он мне справку на учебный отпуск или нет? А в это время дверь открывается, выходит Самуил Борисович. Увидел меня, и говорит – «Ну и ну! Чуть мать двоих детей дверью не убил!».

Очень был добрый человек.

Это средняя часть фотографии

Крайняя справа в нижнем ряду – наш Ангел-хранитель, методист факультета. Ей мы сдавали контрольные работы. Она вела учёт наших задолженностей. Когда нужно было пойти в Авербуху С. Б. с какими ни будь просьбами, она всегда выступала в качестве адвоката, защищая нас от его «строгостей». Хотя строгим он был только с виду, и ворчал – лишь «нам же на пользу». Он любил нас всех, как своих детей, и мы платили ему в ответ тем же...

Крайняя справа – Люся Шалунова, с которой мы потом вместе работали на Люберецком заводе пластмасс

Слева внизу крайний – Коля Горохов, который всегда вместе с нами ездил в институт из Дзержинки

Внизу второй слева – Картушин Валя. Он жил этажом ниже нас в доме рядом с предприятием, тоже – в коммунальной квартире.

Слева внизу – УРИАДИ КАПЕЛИ. Умер рано, не знаю от чего. Неожиданно посещая наше старое кладбище, увидела его могилу.

В институт мы ездили обычно группой. Из посёлка Дзержинского я всегда ездил вместе с Люсей Шалуновой, Яной Полк (в верхнем ряду крайняя слева) и нашими близкими друзьями – Сухаревой Валеи и Женей Алексеевым. Они так и не расписались до конца жизни. Кажется, потому что он так и не развёлся с первой женой. На этой вырезке из общего снимка они справа вторые.

Где-то, наверное, в 2007 году, когда прошло уже 40 лет после защиты диплома, кто-то из сокурсников предложил организовать встречу. Всех, кого отыскиали, обзвонили, получили согласие. В самом простеньком кафе назвали сумму, которую нужно было заплатить за каждого человека – по полторы тысячи. Когда начали собирать деньги на вечер встречи в кафе, большинство отпало по причине отсутствия необходимой суммы. Оказалось, что – будучи престарелыми пенсионерами, многие жили на грани бедности. Таким образом, вечер встречи не состоялся...

Часть 3

Люберецкий завод пластмасс

Фотография 1967 года. Люберецкий завод ПЛАСТМАСС.

На снимке – работники технического отдела во время обеденного перерыва.

В центре снимка (за вторым столом) – Я (ИРАИДА).

На Люберецкий завод пластмасс на работу я устроилась сама. В отличие от всех наших поселковых, кто со мной учился в группе, я одна окончила другой факультет. Ещё на третьем курсе, когда мы в институте переходили к изучению спец. предметов, я решила, что не хочу заниматься порохами.

В институте мне сказали, что, если я принесу письмо от дирекции предприятия о согласии моего перевода на другой факультет, они меня переведут. Я сходила на приём к заместителю директора – Кривошееву. Не помню аргументов, которые я приводила ему в обоснование того, что не должна заниматься порохами, но он подписал нужное мне письмо. Скорее всего, я аргументировала свою просьбу тем, что не хотела заниматься всю жизнь порохами, от взрыва которых погиб мой брат.

Таким образом, я получила диплом не инженера – технолога по высоко молекулярным соединениям, а инженера – технолога по переработке пластмасс.

Спец предметы по этой специальности были для меня гораздо интереснее, чем порох. Я даже что-то стала понимать (теоретически) в пластмассах и вопросах их переработки.

Окончив институт, меня должны были перевести на работу по специальности – инженером по переработке пластмасс. На предприятии пластмассы использовались в изготовлении пластиковых труб – корпусов ракет. Можно было, конечно, перейти и туда. Но, мне захотелось попробовать что-то другое. Тем более, что никакой перспективы для себя лично, работая в НИХТИ я не видела – ни в моральном, ни в материальном аспектах.

Для начала я узнала, какие предприятия есть поближе к дому.

В Москву перейти на работу тогда у меня и в мыслях не было. Это казалось таким затруднительным — из-за дальней дороги. Маршрутки в то время ещё не ходили, а автобус тащился до метро долго.

В Люберецком районе, недалеко от посёлка Держинского, был ковровый комбинат, всякие строительные организации, силикатный завод, нефтеперегонный завод и т. д.

Платформа – ЛЮБЕРЦЫ – II
Бесплатное фото с сайта —
ЖДВОКЗАЛЫ. РФ

Платформа – ЛЮБЕРЦЫ – II
Вид с её другого конца
Бесплатное фото с сайта —
ЖДВОКЗАЛЫ. РФ

У станции – ЛЮБЕРЦЫ – II
Пути, которые я каждый раз переходила, когда ездила на работу на завод.

Бесплатное фото с сайта —
ЖДВОКЗАЛЫ. РФ

Наконец я узнаю, что в Люберцах – 2 (вторых), так они и назывались, есть завод пластмасс. Ехать до него было удобно. Можно было сесть на «рабочую» электричку, которая ходила от нашего посёлка прямо до Люберец вторых. Потом, перейдя наискосок через целый ряд железнодорожных путей, попадаешь прямо к проходной завода. Можно было проехать и другим путём.

Сначала автобусом надо было доехать до Люберец, а потом одну остановку на электричке. Но я в основном пользовалась первым вариантом.

Когда я приехала в первый раз на завод, позвонила из проходной не в отдел кадров, а сразу в дирекцию. Секретарь соединила меня с директором (а могла бы и не соединить). Мне выписали пропуск.

Я ничем не рисковала, поэтому чувствовала себя уверенно.

Директору показала свой диплом и вложенное в него свидетельство о том, что я ещё оканчивала при Бауманском институте курсы по специальности – "Сетевое планирование и управление". В то время только ещё входило "в моду" на предприятиях заниматься "научной организацией труда".

Если честно, то глубоко этим вопросом я, естественно, не занималась, но общее представление какое-то имела (отдалённое).

Директора завода заинтересовала моя кандидатура: – молодая, значит, перспективная, образование – специальное (переработка пластмасс и СПУ), замужем, двое детей, значит, не легкомысленная...

А главное, наверное, всех директоров в это время «дрючили» в министерствах за не ведение работ в направлении НОТ. В общем, недолго думая, он принял меня на работу.

Правда сказал, что отдела такого нет, поэтому он меня может оформить только инженером НОТ в технический отдел завода...

И ещё была загвоздка с зарплатой. Оклад был всего 120 рублей. Но у них выплачивались ежемесячно прогрессивки и премиальные.

В общей сложности он гарантировал мне ежемесячно – 180 рублей.

Я тоже недолго раздумывала и согласилась.

Таким образом, у меня в трудовой книжке появилась новая запись:

22 1967 г. 07.05. Уволена по собственному желанию.

23. 1967 г. 07.10. ЛЮБЕРЕЦКИЙ ЗАВОД ПЛАСТМАСС

Зачислена в технический отдел завода на должность ИНЖЕНЕРА НОТ.

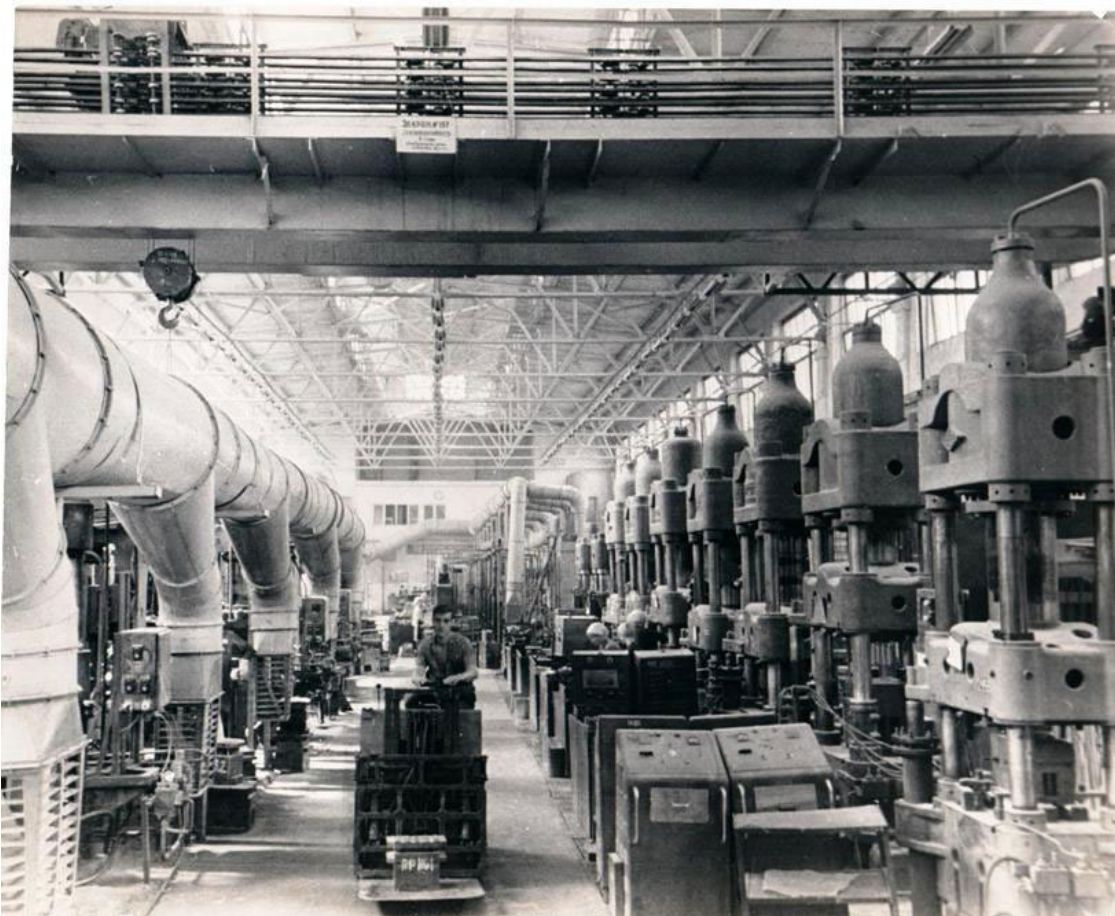
Сейчас у меня возник вопрос – почему я уволилась по собственному желанию, а не переводом? Сейчас уже не помню.

И ещё – обратите внимание. В те времена нужно было при переходе с одной работы на другую – не допускать больших разрывов между работами. Это отражалось впоследствии на исчислении непрерывного стажа при оформлении пенсии.

Мой переход на новое место работы немного изменил уклад жизни нашей семьи. Чтобы успевать на электричку, нужно было выходить из дома раньше, чем отводить Олежку в детский сад, а Ёлку в школу. Она в этом году пошла в первый класс. Важно, что помогали все: и мои родители, хотя они оба ещё работали, а, главное – Виктор. Если бы он меня не поддержал в тот первый мой переход на новую работу, у меня в жизни с карьерой ничего не получилось

бы вообще. Так и сидела бы в НИХТИ до пенсии в должности инженера. Спасибо им всем за помощь, а особенно – моему Витеньке.

Завод был небольшой. Всего-то было несколько цехов.

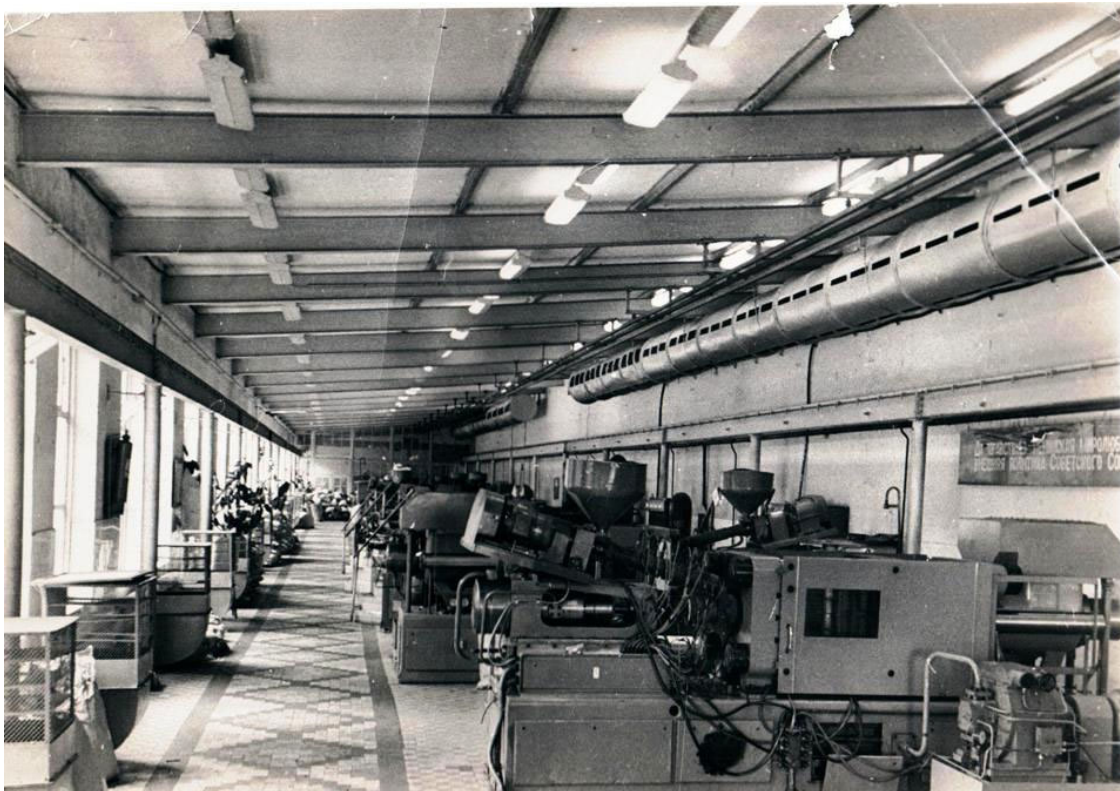
Люберецкий завод пластмасс.
Фотография 1968 года

Основной цех – прессовочный. Пресс – это разъёмная станина. На нижней части – "на столе", устанавливалась пресс форма. Сверху – тяжелая машина – сам пресс. В пресс-форму засыпалась нормированная доза порошка с красителем или таблетки. Пресс опускался. Нажималась кнопка. Температура поднималась до заданной. Через несколько минут пресс поднимался, и из пресс формы вытряхивалось уже готовое, но очень горячее изделие. На тех, кто обслуживал пресса, были одеты большие фартуки, а на руках – рукавицы, чтобы не обжечься. Если процесс прессования одного изделия длился несколько минут, то работницы могли обслуживать два и даже три пресса одновременно.

Кажется, именно на заводе мне рассказали трагический случай.

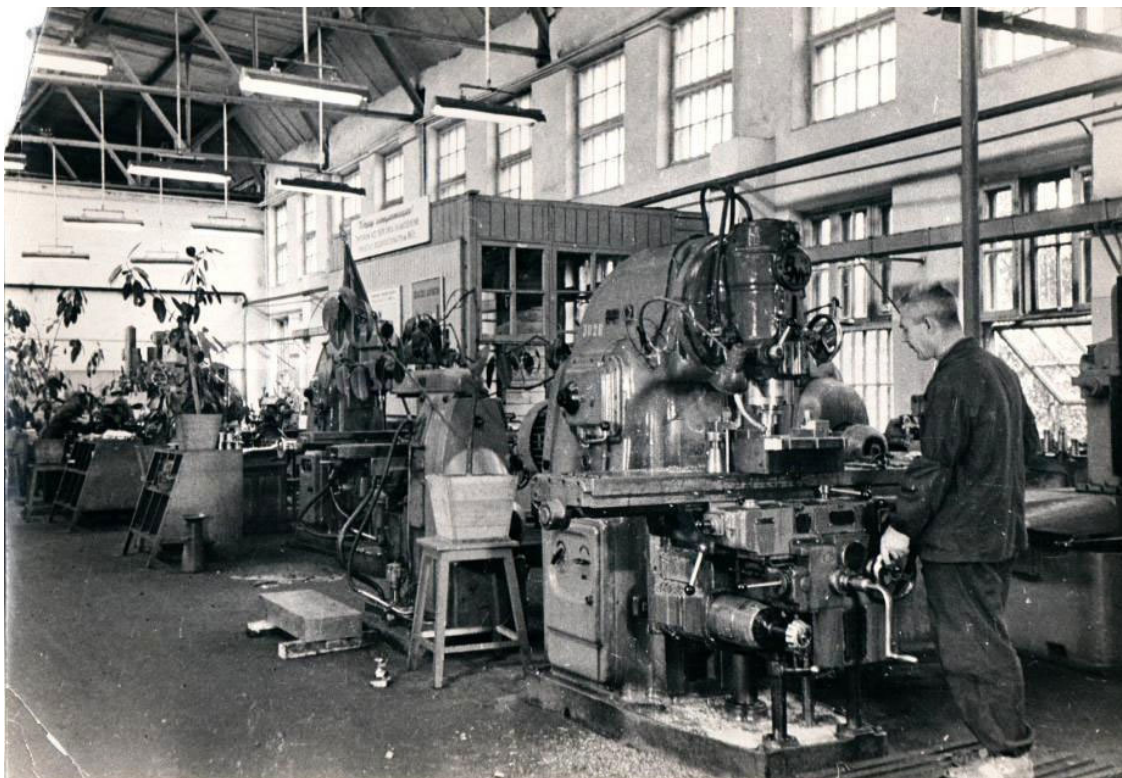
В цехе работал горбатый мужичок. Однажды, после смены, ребята, обслуживающие пресса, по пьянке поспорили. Один утверждал, что может так искусно управлять прессом, что поднятый пресс может опускать с такой точностью, что может остановиться в любой нужной точке. Предложили проверить его умение на горбуне. Тот лёг на стол пресса. Пресс был поднят. Хвостун нажал кнопку, но остановить пресс не успел. От горбуна осталось одно мокрое место.

Мифы и легенды существуют всегда и везде. Я думаю, что это просто – байка.

Люберецкий завод пластмасс
Фотография 1968 года

Вторым основным цехом был – литейный. Смысл процесса был тот же. Отличалась только технология. Таблетки, или порошок от высокой температуры расплавлялись, и заливались в пресс форму. Литьём можно было получать изделия более сложной формы.

Люберецкий завод пластмасс
Фотография 1967 года

Люберецкий завод пластмасс
Фотография 1968 года

На заводе был ещё механический цех. Там стояли слесарные станки. Дело в том, что на заводе работало конструкторское бюро и опытная лаборатория. Там разрабатывались новые

виды пластмассовых изделий, и для них выполнялись чертежи прессформ. А в механическом цехе изготавливались сами прессформы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.